

DOI 10.32726/2411-3417-2023-3-83-96

УДК 94(47)

СЕРГЕЙ ИСКЮЛЬ

«В случае настояния нужды в защите столицы...» Столичное ополчение 1812 г. и петербургское общество

Аннотация. Статья посвящена истории формирования и особенностям Санкт-Петербургского ополчения в период Отечественной войны 1812 г. Документальные материалы, привлеченные автором, дают предметное представление о тех событиях, погружая в атмосферу эпохи и особого исторического момента, требовавшего национального единения. Рассматриваются в том числе манифесты и постановления Александра I, инициативы высших петербургских кругов и их взаимодействие с различными ведомствами, особенности организации Петербургского ополчения по сравнению с аналогичными мероприятиями в Москве и губерниях, деятельность М.И. Кутузова в качестве начальника корпуса для защиты Петербурга, роль столичной прессы и другие вопросы. Успех Петербургского ополчения 1812 г., проявившего стойкость и дисциплину во многих сражениях, в том числе под Полоцком, при Чашниках, Березине и в осаде Данцига, во многом определялся тем, что для всех сословий, из которых складывалось петербургское общество, было характерно осознание необходимости общего единения перед лицом опасности, грозившей России.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Петербургское земское ополчение 1812 г., Александр I., М.И. Кутузов, Комитет «для сосредоточения дел внутреннего ополчения», знамена ополчения.

6 июля 1812 г., находясь при армии близ Полоцка, Александр I подписал обращение «Первопрестольной Столице НАШЕЙ Москве» о сборе земского ополчения составленное А.С. Шишковым: «Неприятель вошел с великими силами в пределы России. Он идет разорять любезное наше Отечество. <...> Того ради, имея в намерении для надежнейшей обороны, собрать вновь внутренние силы, наипервее обращаемся Мы к древней Столице Предков наших, Москве... она изливала всегда из недр своих смертоносную на врагов силу, по примеру ее из всех прочих окрестностей текли к ней, наподобие крови к сердцу, сыны Отечества для защиты оною. Никогда не настояло в том вящей надобности как ныне. Спасение Веры, Престола, Царства того требует. Итак, да распространится в сердцах знаменитого Дворянства Нашего и во всех прочих сословиях дух той праведной брани, какую благословляет Бог и православная наша Церковь; да составит и ныне сие общее рвение и усердие новые силы, и да

Сведения об авторе: Искюль Сергей Николаевич — ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, доктор исторических наук, iskiouls@yahoo.com.

умножатся оные, начиная с Москвы, во всей обширной России. <...> Да обратится погибель, в которую мнит он <враг> низринуть нас, на главу его, и освобожденная от рабства Европа да возвеличит имя России!». Подписывая это обращение, государь предполагал в ближайшие дни посетить «первопрестольную». Текст воззвания повез в Москву генерал-адъютант князь В.С. Трубецкой.

Тогда же последовал и общероссийский манифест о создании ополчения:

«Неприятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясти спокойствие великой сей державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ея и благоденствие. С лукавством в сердце и лестию в устах несет он вечные для ней цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войски Наши, кипящие мужеством попать, опрокинуть его, и то, что останется не истребленного, согнать с лица земли Нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твердую надежду; но не можем и не должны скрывать от верных наших подданных, что собранные им разнородные силы велики, и что отважность его требует неусыпного против нее бодрствования. Сего ради при всей твердой надежде на храброе Наше воинство полагаем Мы за необходимо нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой, и в защиту домов, жен и детей каждого и всех...»

<...> Да найдет он на каждом шагу верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ русский! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушало зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют.

Для первоначального составления предназначаемых сил предоставляется во всех губерниях дворянству сводить поставляемых ими для защиты Отечества людей, избирая из среды самих себя начальника над оными, и давая о числе их знать в Москву, где избран будет главный над всеми предводитель»¹.

Александр I обратился к генерал-губернатору Москвы Ф.В. Ростопчину с предписанием заняться созданием в Московской губернии необходимых запасов провианта и фуража, «призвав на помощь всех и каждого», имея в виду возможно большее число разных припасов по умеренным ценам, не отказываясь и от добровольных приношений [Щукин... с. 79].

1 Сенатские ведомости. СПб. 1812. № 28. С. 542–543.

После же пребывания императора Александра в Москве, 18 июля, был обнародован новый манифест, на этот раз уже собственно об организации временного внутреннего ополчения: *«По воззванию ко всем верноподданным Нашим о составлении внутренних сил для защиты Отечества, и по прибытии Нашем в Москву, нашли Мы, к совершенному удовольствию Нашему, во всех сословиях и состояниях такую ревность и усердие, что предлагаемые добровольно приношения далеко превосходят потребное к ополчению число людей. Сего ради, приемля таковое рвение с отеческим умилением и признательностию, обращаем Мы попечение Наше на то, чтоб составя достаточные силы из одних Губерний, не тревожить без нужды других...»*.

На основании этого указывалось, что меры по организации внутреннего ополчения касались только Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской и Смоленской губерний, где требовались «скорые и деятельные меры к собранию, вооружению и устройению внутренних сил, долженствующих охранять первопрестольную Столицу Нашу Москву». Подобные меры относились к Санкт-Петербургской и Новгородской губерниям «для охранения С. Петербурга и пределов сего округа». Что касается Казанской, Нижегородской, Пензенской, Костромской, Симбирской и Вятской губерний, то там предлагалось лишь «приготовиться расчислить и назначить людей», но до особого повеления не собирать их и не отрывать от сельскохозяйственных работ. Особо оговаривалось то обстоятельство, что речь идет не о милиции или новом рекрутском наборе, но имеется в виду «временное верных сынов России ополчение, устрояемое из предосторожности, в подкрепление войскам и для надежнейшего охранения Отечества» [Полное собрание законов... № 25188].

Тем не менее реальная опасность для Петербурга существовала, и ее сознавали не только в Петербурге. В одном из писем к П.И. Багратиону генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин в начале августа писал, как он сам выразился, «из матушки каменной Москвы»: «Подумайте, что здесь дело не в том: бить неприятеля, писать реляции и привешивать кресты! Вам слава бессмертная! Спасение отечества, избавление Европы, гибель злодея рода человеческого. Благодарен зело за письмецо. В Москве говорят: дай лишь волю, и Багратион пужнет. Мне кажется, что он Вас займет да и проберется на Полоцк, на Псков, пить Невскую воду...» [Ростопчин — Багратиону... с. 563].

В полной мере осознавая эту опасность, организацией ополчения после манифеста от 6 июля начали заниматься и в столице. Специальный Комитет «для сосредоточения дел внутреннего ополчения» в составе председателя Военного департамента и управляющего Канцелярией императора графа А.А. Аракчеева, министра полиции А.Д. Балашова и статс-секретаря А.С. Шишкова обнародовал по этому поводу следующее *«Объявление по предмету народного ополчения»*: «... чрез сие объявляется: чтоб все ГГ. коим следует при раскладке Дворянства поставлять людей в воины для сего ополчения; также желающие добровольно из усердия к службе Его Императорского Величества, для защиты Отечества, войти в сие ополчение; или готовые объявить какое-либо пожертвование для сего предмета, как равно и те, кои иметь будут какую-либо надобность для Комитета народного ополчения, являлись бы с 9 часов по полуночи

до 3 часов по полудни в дом барона Раля (Александра Александровича, придворного банкира. — С. И.), что против Новой Голландии, в коем Комитет будет иметь свое заседание...»¹. Приведенный текст был помещен в газете положенные четыре раза, как, впрочем, и все другие объявления, относящиеся к делам по организации и снабжению ополчения.

Публиковались и другие объявления, например: «Если кому из ГГ. помещиков угодно для ополчения земского войска получать за самые умеренные цены ранцы, сумы и перевязи, заготовляемые по Высочайше-опробованным для войск образцам: то благоволят присылать своих поверенных за оными, сколько кому будет потребно, 4-й Адмиралтейской части в 3 квартале в доме купца Масленникова под № 151, что у Калинкина моста подле Майдановых бань, напротив Провиантских магазейнов»².

Или такое, выделяющееся подробностью перечня предметов амуниции для нужд ополченцев: «От Санкт-Петербургской казенной палаты объявляется, чтобы желающие взять на себя поставку нужных для рекрутов вещей, как то: первое — мундиров, панталонов, галстуков, фуражек, манишек, подтяжек, ранцев; второе — шинелей, и третье — рубах, порток, сапогов, рукавиц, зимних чулок и летних подверток (портянок — С. И.), явились к торгам в сию Палату 24, 26 и 27 числа сего Августа»³.

Впрочем, по поводу создания Комитета «для сосредоточения дел внутреннего ополчения» супруга гражданского губернатора столицы В.И. Бакунина (урожденная Голенищева-Кутузова) не преминула отозваться язвительно — вероятно, под влиянием того, что слышала от мужа и общих знакомых: «Неизвестно, способны ли они были сосредоточить дела, даже сего и не понимаю, но известно всем, что ни один из них в военном деле не искусен»⁴.

Манифест от 6 июля 1812 г. вызвал искренний энтузиазм у населения. В июле-августе в Санкт-Петербурге появились на свет многочисленные «листки», призывавшие последовать императорскому призыву. В одном из них говорилось: «Любезнейший сердцу Монарх! <...> Россия всем богата. В ней: Дворяне, истинные патриоты, верные сыны отечества и всегдашняя подпора Трона Твоего; Купечество, к Тебе и Отечеству преданное, богатое и щедрое; народ, уже несколько столетий воспламененный храбростию и верностию, соделался примером всего света, и все готовы воскликнуть: С нами Бог! с нами Александр! идем и побьем!» [Разговор... с. 33–34]

Об императорском манифесте в Петербурге стало известно 12 июля, когда на заседании городской Думы он был оглашен после чтения указа Санкт-Петербургского губерн-

1 Санкт-Петербургские ведомости.1812. № 60

2 Санкт-Петербургские ведомости.1812. № 63.

3 Санкт-Петербургские ведомости.1812. № 68.

4 Русская старина. СПб. 1885. № 9. С. 403.

ского правления. При этом городской голова, коммерции советник Н.Д. Меньшиков объявил, что 15 июля открывается «гильдийское общество», т.е. собрание представителей всего столичного купечества. На этом собрании купечество постановило «внести два миллиона рублей, расположив не со всех по равному числу, но с каждого по мере сил и возможностей»; деньги предназначались «на нужды войны» [Акты и документы... с. 15]. Естественно, что после такой инициативы последовала «раскладка», т.е. распределение суммы, что, в свою очередь, потребовало составления точных ведомостей городского российского и иностранного купечества. Одновременно была внесена ясность в приемлемую форму пожертвований — поначалу пожертвования принимались и вещами, но раскладка была распределена и на тех лиц, которые не являлись членами купеческих гильдий или были иностранцами, не имевшими необходимой в данном случае недвижимости в столице. В каждом отдельном случае комитетам, занимавшимся организацией ополчения, приходилось входить в существо дела вместе с купеческими старостами и разбираться с возникавшими претензиями.

19 июля в городской Думе, по предписанию председателя Комитета министров и по совместительству министра полиции С.К. Вязмитинова, было принято постановление мещанского и ремесленного общества об официальной передаче всех собранных отдельных отрядов ополченцев в состав Санкт-Петербургского ополчения. При этом было решено, что ремесленники (от 2387 человек) и «посадские люди» (от 8008 душ) выставят здорового сложения людей, способных носить оружие, с каждых ста человек по четыре. Попутно решались вопросы снабжения ополченцев обмундированием и всем необходимым, имея в виду походную жизнь и боевые условия.

Практически сразу возник вопрос о командующем Петербургским ополчением. Им стал М.И. Кутузов, но сначала он был назначен начальником корпуса для защиты Петербурга. Рескрипт об этом назначении был приложен к письму государя председателю Государственного совета, генерал-фельдмаршалу Н.И. Салтыкову от 15 июля (из Москвы), в котором император предполагал защищать столицу на позициях под Нарвой [Щукин, с. 140]¹.

Начало войны застало М.И. Кутузова в его волынском имении Горошки, откуда полководец без приглашения выехал в Петербург, и весьма кстати — ибо возникли уже первые опасения за судьбу столицы. 12 июля Кутузов получил приглашение прибыть в Комитет министров, в связи с чем в журнал внесена была следующая запись: «1812 года июля 12 Комитет министров имел чрезвычайное заседание “по делам, тайне подлежащим”, в связи с полученным от генерал-лейтенанта И.И. Эссена донесением о том, что неприятель после упорного сражения при селении Екау (Курляндской губ.) с войсками под командованием генерал-лейтенанта Ф.Ф. Левиза (Левиза оф Менара),

1 Этой идее оказались созвучны предположения маркиза Ф.О. Пауллуччи, который в то время был начальником штаба 3-й Западной армии, а затем 1-й Западной армии, и в письме к императору от 18 июля предлагал устроить в районе Нарвы лагерь, куда направлялись бы войска из других губерний, в первую очередь из Псковской и Новгородской [Щукин, с. 215].

превосходными силами понудив его отступить к Риге, занял 8-го числа Митаву, а 9-го числа при Юнфергофе переправился через Двину, почему Рижские форштадты зажигаются и частично сожжены, что коммуникация с Ригою пресекается...» Из донесения было неясно, какова численность неприятельских войск на этом направлении. Поэтому Комитет, «соображая, что движения его (неприятеля. — С. И.) могут прямо на Петербург чрез Псков или Нарву, возложил именем Его Императорского Величества на генерала от инфантерии графа Михаила Иларионовича Голенищева-Кутузова, <...> чтобы, в случае настоятельной нужды в защите столицы вне оной принял он в свое распоряжение войска, какие для того здесь соберутся» [Журналы... с. 497–498].

Императорский рескрипт последовал через три дня: *«Михайло Ларионович. Настоящие обстоятельства делают нужным составление корпуса для защиты Петербурга. Я вверяю оный вам. Воинские Ваши достоинства и долговременная опытность Ваша дают мне полную надежду, что Вы совершенно оправдаете сей новый опыт Моей доверенности к Вам. В состав сего корпуса войдут все войска, находящиеся в Петербурге и окрестностях, равномерно и новое вооружение, которое я ожидаю от дворянства петербургского, одушевленного, конечно, тем же усердием, как и московское...»* [Цит. по: М.И. Кутузов... с. 5-6]

Отметим, что 16 июля Кутузов был избран и начальником Московского ополчения. На общем собрании дворян Московской губернии его кандидатура получила 243 «одобрительных» голоса, кандидатура генерала от инфантерии и кавалера графа Ф.В. Ростопчина — 225, а генерал-фельдмаршала И.В. Гудовича — 198. [Апухтин, прил. 2, с. 91–93].

17 июля состоялось чрезвычайное собрание петербургского губернского дворянства, которое началось с молебна в Казанском соборе. Собравшиеся заслушали императорский манифест от 6 июля и патриотическое слово к пастве Святейшего Синода: *«Взываем к вам, чада Церкви и Отечества. Примите оружие и щит, да сохраните верность и охраните веру отцов наших. Приносите с благодарением Отечеству те блага, которыми Отечеству обязаны. Не щадите временного живота вашего для покоя Церкви, пекущейся о вечном вашем животе и покое. Взываем к вам, мужи именитые, стяжавшие власть или право на особенное внимание своих соотечественников, предшествуйте примером вашего мужества и благородной ревности тем, которых очи обращены на вас»* [Материалы... с. 15].

Чрезвычайное собрание продолжилось в доме графа И.А. Безбородко недалеко от Главпочтамта. Перед собравшимися выступил губернский предводитель дворянства, действительный камергер А.А. Жеребцов: *«Глас Бога и Всеавгустейшаго Монарха, Отца России, призывает нас к единодушному и общему ополчению противу врага, стремящагося поразить наше Отечество. Сей глас нежного отца, к чадам вопиющаго, проникает во глубину сердца каждого верноподданнаго <...> Я проникаю, Милостивые Государы, какая ревность движет чувствами вашими, она пылает в сердцах и начертана на лице каждого. — Мы братья, мы чада единого семейства,*

управляемого Всеавгустейшим Помазанником. Соединимся! Соединимся все! Оправдаем Его святое о нас промышленение...» [Материалы... с. 17].

Главным начальником Санкт-Петербургского ополчения «единодушно с общего согласия» был избран М.И. Кутузов [Апухтин, прил. 62]. Кутузов принял эту должность с тем условием, что «оставит ее, ежели будет вызван к другим обязанностям, либо ежели будут не угодны Государю занятия его по ополчению» [Кутузов — Александру I... с. 499]. В этом новом для себя качестве Кутузов и приехал в Таврический дворец представляться императору. Е.Ф. Комаровский, который был тогда во дворце дежурным генералом, подошел к нему и сказал: «Стало быть, дворянство обеих столиц нарекло Ваше Высокопревосходительство своим защитником отечества?» На лице Кутузова отразилось немалое удивление: он еще не знал, что и московское дворянство сделало свой выбор в его пользу. Но минуту спустя Кутузов с глазами, полными слез, произнес: «Вот лучшая для меня награда в моей жизни!» [Комаровский, с. 197].

На этом посту Кутузов был занят приемом ратников, входил во все подробности их обмундирования, лично занимался обучением ополченцев азам воинской науки и давал им наставления. (Помимо прочих дел, которыми занят был Кутузов в то время, от публики не укрылось то, что главнокомандующий с визитами «навещал влиятельных лиц и даже, как говорили, старался заслужить благосклонность Марии Антоновны, близкой к государю особы» [Князьков, с. 2], что для хорошо знавших генерала было делом вполне обыкновенным.)

По постановлению дворянского собрания и по предложению М.И. Кутузова были учреждены два комитета: Устроительный (для приема ратников) и Экономический (для сбора пожертвований). Председателем первого стал генерал-лейтенант С.И. Салагов, второго — бывший государственный казначей Ф.А. Голубцов. Обязанности первого комитета состояли «в предварительных постановлениях о всех вообще потребностях» ополчения, определении дружинных начальников (с высочайшего утверждения), штаб- и обер-офицеров, а также в приеме ратников и их ускоренном военном обучении. Второй комитет занимался сбором пожертвований и провианта, предоставляемых помещиками при поставке воинов, снабжением одеждой и оружием, доставкой обозов и лошадей и, что немаловажно, призывом в ополчение достаточного числа священников и врачей, снабжением лекарствами и инструментом [Там же, с. 53].

Каждому дворянину, имеющему дом в столице или дачу в Петербургской губернии, полагалось внести в фонд ополчения 2% от их стоимости. Решение этой задачи было возложено на полицию — тем более что могли возникнуть и непредвиденные обстоятельства, например, необходимость наложить арест на чью-то недвижимость [Материалы... с. 21–22].

Для ополчения было решено не позднее чем через 2 недели поставить от каждых 25 ревизских душ одного ратника, не моложе 17 и не старше 45 лет. «Душевладельцы» доставляли рекрутов в Петербург «собственным своим попечением». Они обязаны

были не только снабдить своих крестьян-ратников трехмесячным провиантом и месячным жалованием в три рубля, одеждой, «исправной обувью» и шанцевым инструментом, но и обеспечить обработку их земельных участков, а также платить за них подати. 18 июля в комитетах по устройству ополчения было дополнительно решено: определить поставку в ополчение одного человека с каждых 25 также из мещан и «цеховых».

К императору обратились с просьбами: разрешить для зачисления ратниками в Петербургское ополчение продажу и покупку крепостных без земли у чиновников и «даже не дворян»; снять ограничения по возрасту и росту ратников, лишь бы кандидат был здоров и «без явных увечий»; сохранить бороды и платья, но «только скоротить кафтаны, смотря по надобности» [Материалы... с. 24]. Почтовый чиновник и цензор И.П. Оденталь писал об этом своему корреспонденту, директору московского почтамта А.Я. Булгакову в таких выражениях: «Положили дать со ста четырех человек, вооружить и одеть их при бородах да отпустить на три месяца провианту» [Оденталь — Булгакову... с. 141].

Когда же стало известно, что москвичи постановили выставить по одному ратнику с каждых 10 душ, петербургское дворянство 23 июля единодушно решило последовать этому примеру [Там же, с. 26–28]. В итоге общая численность ополчения составила 13 405 воинов, снабженных одеждой, обувью, провиантом на три месяца и жалованием по шесть рублей на каждого. Оставаясь в обычной своей одежде, ратники должны были иметь ружье, суму и ранец. Сверх того, на случай сооружения полевых укреплений, Кутузов счел необходимым, чтобы каждый из ополченцев был снабжен топором и лопаткой.

Как уже отмечалось, поля направленных в ополчение крестьян должны были быть обработаны, хозяйство полностью сохранено и подати выплачены. Эта мера была весьма существенной по своему значению: ополченцы, особенно женатые и семейные, помимо всего прочего, должны были чувствовать соответствующее отношение со стороны городских властей и общества.

Для размещения ратников были отведены свободные казармы Петербургского гарнизона. 23 июля для каждой ополченской дружины был высочайше утвержден образец знамени. Белые полотнища с красным восьмеричным крестом посередине и надписью по обеим сторонам «Сим победиши» имели по углам вензели Александра I. На лицевой стороне головного убора ополченца имелся металлический, из латуни, православный крест с вензелевым именем государя и надписью «За Веру и Царя».

Уже с 23 июля (4 августа) комитеты начали принимать будущих ратников и пожертвования деньгами, лошадьми, хлебом и прочим. Стремление вступить в ополчение было столь всеобщим, что через несколько дней все офицерские вакансии уже были заняты. Купцы, мещане и цеховые добровольно поступали в ратники.

Петербургское ополчение, согласно решению Кутузова, делилось не на полки, а на дружины, каждая численностью в 820 человек; дружины, в свою очередь, по-

дразделялись на сотни. Каждая дружина состояла из людей одного уезда либо живущих по соседству; ратники из одной деревни, как правило, оставались вместе. Начальниками 15 дружин стали отставные генерал-майоры (В.В. Адагуров, П.И. Кошелев, Я.И. Карпов и другие), а также бригадиры и полковники. Впоследствии была сформирована еще и 16-я дружина. Все петербургское ополчение составляло пять бригад в двух отрядах под начальством сенатора А.А. Бибикова и генерал-майора Г.М. Бегичева.

Что касалось обмундирования, всему генералитету, штаб- и обер-офицерам положено было носить общий армейский мундир; отставным офицерам — мундир, который они носили перед отставкой. Все дружинные начальники и штаб-офицеры обязаны были служить без жалования. Обер-офицерам полагалось в месяц по 30 рублей, урядникам и барабанщикам — по полтора рубля, а ратникам — по рублю и двадцать копеек. Впоследствии, по распоряжению комитета, «начальствующим» выдавались суммы на обзаведение лошадьми и «обмундировку».

Из Петербургского арсенала каждому пешему ратнику было выдано ружье, а каждому конному или артиллеристу — сабля или тесак. Главной задачей при организации ополчения было обучение в короткие сроки людей, не знакомых с азами военного дела, строю, ружейным приемам, стрельбе и штыковому бою. Поэтому правила и навыки при обучении рекрутов требовалось сделать как можно более практическими и понятными для людей разных сословий. Кутузов 23 июля докладывал государю: *«Первый приступ к обучению есть тот, чтобы вперить в воина знание своего места в шеренге и в ряду, знание человека, который стоит в ряду впереди и позади, а также по обеим сторонам. Надлежит вразумить его, что ни в коем случае он не должен отрываться от сих людей; ежели бы даже действовал и в россыпи... Что касается ружейных приемов, то учить только заряду и способности действовать штыком. Должно было учить маршировать фронтом, взводами и по отделениям; не искать в сем марше никакой красоты, ограничиваясь тем, чтобы люди ступали в ногу»* [М.И. Кутузов... с. 28]. Освоение ратниками несложных строевых эволюций под наблюдением опытных офицеров происходило ежедневно на Измайловском, Семеновском и Преображенском «парадных местах».

Приняв на себя командование ополчением, которое еще надлежало эффективно обучить, Кутузов — одновременно командующий регулярными войсками на петербургском направлении, в Кронштадте и Финляндии — приступил к формированию корпуса, который позже получил название Нарвского. Имея в виду наиболее уязвимые для наступления противника направления, Кутузов «подал совет вызвать войска из Финляндии, сделать укрепления со стороны Нарвы и Псковской дороги»¹. Он произвел передислокацию войск, привел в полную боевую готовность крепости и опорные пункты, включая Нарву и Кронштадт, принял меры к пополнению боевых и съестных припасов.

1 Русская старина. СПб. 1885. № 9. С. 400.

Во второй половине июля части Нарвского корпуса после форсированных маршей приступили к строительству флешей и редутов на нарвском и псковском оборонительных рубежах. Строительство укреплений военные чиновники организовали при помощи обывателей. Нарвское направление вызывало особенное беспокойство Кутузова. Сюда им был послан знаток инженерного дела генерал-майор Х.И. фон Шванебах, под руководством которого крепость усилили орудиями морской артиллерии. На реке Нарове по распоряжению Кутузова сформировали речную флотилию, укомплектовав ее частично моряками, частично местными жителями. Для своевременного оповещения о передвижениях французов была налажена разведка, на почтовых станциях в готовности стояли «резервные кареты».

По предписанию военного министра С.К. Вязмитинова, 1 августа последовало разрешение вступать в ополчение статским чиновникам, «при Думе находящимся», для чего они должны были являться в распоряжение М.И. Кутузова [Акты и документы... с. 37].

3 августа состоялся дополнительный «приговор» Санкт-Петербургского ремесленного общества российских цехов, «движимых общим рвением к поражению врагов отечества». Они посчитали необходимым поставить с 10 членов общества одного рекрута, то есть в общей сложности еще 239 человек¹.

На организацию и содержание ополчения в августе — сентябре в Петербурге делались многочисленные пожертвования. Обер-камергер А.Л. Нарышкин и его брат егермейстер Д.Л. Нарышкин заявили, что кроме установленных сборов жертвуют по 20 тыс. рублей ежегодно в течение всего периода существования ополчения. На тех же условиях обер-гофмейстер граф Ю.П. Литта внес 50 тыс. рублей, сенатор П.А. Шепелев — 5 тыс., адмирал М.П. фон Дезен — 2 тыс., капитан I ранга И.Ф. Крузенштерн — 100 рублей (третью часть получаемого им пенсионера). Графиня С.В. Строганова, «за бытностью супруга в армии», объявила о взносе в 2% от стоимости сотысячерублевой дачи в Выборгской губернии. Известный ученый, академик Н.Я. Озерецковский внес 280 рублей (2% от стоимости принадлежавшего ему дома № 283 в третьем квартале Васильевской части). Генерал-лейтенант А.А. Клейнмихель передал в Экономический комитет 200 рублей в качестве пожертвований от 2-го Кадетского корпуса, директором которого он состоял. И так далее. На первое время дворянство обеспечило ополчение сверх установленных общим решением обязательных взносов ежегодной суммой в 105 675 рублей².

Вдовствующая императрица, имения которой в ожидании рекрутского набора были освобождены от участия в ополчении, в начале августа известила Кутузова о том, что она, тем не менее, обязуется вносить на содержание ополчения ежегодно 50 тыс. рублей³.

1 Исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Кол. 226. Оп. 1. Д. 851. Л. 40–41.

2 Там же. Лл. 1–12.

3 Северная почта. СПб. 1812. № 62 (3 августа). С. 1.

Газета «Северная почта» от 7 сентября поместила сообщение о немецких колонистах, поселившихся на свободных землях Санкт-Петербургской губернии во второй половине XVIII в.: «Здесьней губернии колонисты прежнего поселения, в следствие Манифеста 6 июля, из отличного усердия ко благу нового своего Отечества, вызвались добровольно принять участие в приносимых ныне пожертвованиях, и представили от себя 9300 рублей, а именно: Среднерогатской колонии 26 семейств 2600 руб., Новосаратовской 60 семейств 3000 руб. теперь да столько же после жатвы; Ижорской 28 семейств 700 рублей. Они изъявили притом готовность по востребованию принять оружие на защиту Отечества»¹.

На готовность российских немцев защищать отечество, в том числе с оружием в руках, указывало и то, что в Петербурге в это время под руководством герцога Петра Фридриха Людвиг Ольденбургского и известного прусского деятеля барона Г.Ф. фон Штейна продолжалось формирование Русско-германского легиона из военнопленных немецкого происхождения, дезертиров, а также местных жителей — выходцев из немецкой общины.

Торговавшее в Петербурге российское и иностранное купечество «пригласили» к денежным пожертвованиям еще 21 июня (по предписанию гражданского губернатора М.М. Бакунина городскому голове столицы Н.Д. Меньшикову). До 5 июля было собрано уже свыше 60 тыс рублей.

Если в Москве под видом пожертвований отдельные купцы пытались решить свои «надобности» (например, пытаясь принести на «алтарь Отечества» сделанные в прошлом долги), то в Петербурге поступать так не позволяло присутствие государя и высочайшего двора. 8 августа в счет двухмиллионного пожертвования был сделан первый взнос (12,3 тысячи рублей), за которым практически ежедневно следовали и другие. К 14 августа по установленной «раскладке» было собрано более 350 тыс. рублей [Акты и документы... с. 335–430]. На 3 января 1813 г. сбор на нужды ополчения составил уже 1 млн 526 тыс [Там же, с. 143].

Вместе с тем петербургский чиновник экспедиции государственных доходов отмечал в своих записках, что «деньгами жертвовали скупко» и сверх собранных сумм ассигнациями принесены были «в дар правительству множество старых, заржавелых сабель и никуда не годных ружей»².

В августе 1812 г. в Петербурге барон К.К. фон Бодде, бывший в то время майором, и отставной поручик испанец Л. Оливейро занимались формированием казачьих полков. Полк Оливейро окончательно был сформирован полковником А.А. Яхонтовым и назван Первым волонтерным казачьего полковника Яхонтова полком. Это о нем и о Втором волонтерном казачьем барона А.А. фон Бодде полку И.П. Оденталь писал в Москву как о «смертоносных или беспардонных»: «На сих днях герои сии дрались в казармах меж-

1 Северная почта. СПб. 1812. № 74.

2 Русский архив. СПб. 1896. № 4. С. 525.

ду собою. — Около 20 человек отнесли по окончании битвы в лазарет. Все молодежь, все хваты, одеты в красивые мундиры наподобие казацких. В них так кипит кровь, что, не видя еще французов, рады со своими воевать. За ними крепкий делается надзор»¹.

9 августа 1812 г. М.И. Кутузов был «вызван» к главнокомандованию действующей армией, и должность начальника Петербургского ополчения с 23 августа занял генерал от артиллерии барон П.И. Меллер-Закомельский.

Местами принесения присяги были избраны Петровская и Исаакиевская площади. В воскресенье 1 сентября император вручил знамя (хоругвь) выстроенным на парад воинам ополчения. Освящение знамени совершил преосвященный Амвросий, митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский. Когда же митрополит, освятив хоругвь, стал кропить святой водой стоявших в строю ополченцев, «внезапно появилось на небе тонкое и светлое облако, и минутный дождь в мельчайших брызгах оросил воинство, и вдруг потом облако исчезло, и солнце продолжало сиять по-прежнему, — писала газета “Северная почта”. — Народ принял сие окропление за знак благословения свыше на подвиг, подъемлеваемый воинами, и утвердился еще более на помощь Божию...»². Затем все 15 дружин первого отряда ополчения прошли перед императором в церемониальном марше. «Его Величество, осматривая новое сие воинство, с удовольствием видел, что ратники сии под скромным одеянием обыкновенных поселян, но с крестным знаменем на шляпах и с верою в сердце, составляли уже строи, готовые на поражение врага Веры и Отечества». Каждому ратнику было подарено по серебряному рублю. «Народ, стекшийся на сие необычайное зрелище, разделял чувства удовольствия с возлюбленным своим Монархом, и дух бодрости и твердого упования с воинами...»³.

Речь перед выступлением в поход Петербургского ополчения произнес преосвященный Амвросий: *«Христиане воины! Манием Августейшаго Монарха Нашего, подвижшиися яко гласом самаго Царя Царствующих, немедленно стеклися вы в Престольный сей Град. <...> О потомки достойные воинствен Славян! Воззвал к вам Монарх, представляя опасность Своего достояния: и вы явили себя готовыми живот свой положить за Него. Возопили к вам Отечество и Церковь, угрожаемые от Галлов разорением, от Галлов поработивших или утеснивших многие Царства и народы, поправших всякую Святыню, осквернивших Божии храмы, проливших реки человеческой крови: и вы для защиты оных облеклися во вся оружия Божия, научили руки ваша на ополчение, изострили персты ваша на брань <...>»*⁴. Архипастырь благословил дружины иконой Спасителя, вручив ее командовавшему отрядом сенатору А.А. Бибикову.

5 сентября состоялись принятие присяги и парад второго отряда ополчения. Император уже знал о судьбе Москвы и выглядел печальным. «Император Александр про-

1 Русская старина. СПб. 1912. № 8. С. 167–168.

2 Северная почта. СПб. 1812. № 71. С. 2.

3 Там же.

4 Речь к Санктпетербургскому ополчению при выходе онаго к армии на брань, произнесенная при Высочайшем присутствии Его Императорскаго Величества ... СПб: Синодальная типография. 1812. С. 1–3.

вожал нас, — писал в своих записках ратник Петербургского ополчения Р.М. Зотов, — стоял на коленях во время молебствия, и мы заметили, что он плакал. Эти слезы, может быть, покажутся странными, но для истории они драгоценны. Александр узнал уже в эту минуту, что Москва взята и горит. Следственно, он чувствовал всю потерю, понесенную Россией, и мог прослезиться, отправляя на жертву последние свои силы» [Зотов, с. 782].

Отряды ополчения выступили в поход и, присоединенные к корпусу генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна, уже в октябре 1812 г. участвовали в сражении под Полоцком, проявив незаурядные дисциплину и стойкость как в этом сражении, так и в других: при Чашниках, Березине, а на следующий год — в осаде Данцига.

Успех организации Петербургского ополчения 1812 г. во многом определялся тем, что все сословия и состояния, из которых складывалось тогда петербургское общество, осознавали: начавшаяся в середине 1812 г. война является первой за 200 лет войной поистине отечественной. До этого практически все войны, в особенности коалиционные, шли вне пределов Российской империи и не ощущались столь непосредственно и явственно.

Консолидации сопутствовала возрастающая с каждым днем уверенность в собственных силах и конечном успехе. В рамках мер для защиты столицы в Петербурге предполагалось учредить три линии обороны с опорой на водные преграды. Комитет министров занимался эвакуацией ведомств и учебных заведений. Но это отнюдь не привнесло сумятицу в жизнь столицы.

При этом петербургские газеты первое время были весьма скупы на информацию о событиях за пределами столицы, за исключением Москвы. Отсутствие или недостаток информации вследствие цензуры и естественной задержки почты в условиях войны восполнялось слухами, которые в изобилии распространялись в петербургском обществе. Но чувство общей опасности способствовало единению сословий.

Страхи постепенно стали исчезать, когда опасность для Петербурга в связи с ожидавшимся движением левого крыла наполеоновской Великой армии перестала быть очевидной: корпус маршала Н.-Ш. Удино играл скорее обсервационную роль, притом что перед главными силами французов стояли задачи прежде всего на центральном направлении.

Тем не менее петербургское направление наступления наполеоновских войск какое-то время представлялось вероятным. Поэтому в столице предпринимались меры, чтобы, как говорил М.И. Кутузов, «позаботиться о Севере и прикрыть его» [Тысяча восемьсот... с. 715]. Немалую роль сыграло и своевременное принятие дипломатических мер, а именно — переговоры со шведским наследным принцем Ж.-Б. Бернадотом с целью «высвободить» российские войска из пределов Финляндии и использовать их для отпора врагу.

Имело здесь значение и то, что власти предрержащие, в первую очередь император Александр I, на протяжении всей войны не покидали Петербург. Августейшее семейство также оставалось в столице, хотя эвакуация затронула и императорские дворцы, и резиденции. «Царево око» — присутствие императора и прочих властей разного ранга — положительно повлияло на спокойствие и патриотические настроения жителей столицы. Отметим, что в это время в Петербурге было относительно мало стихийных гонений против иностранцев и употребления французской речи. Кстати, и цензура петербургских изданий стала не столь жесткой, и некоторые сообщения — например о том, что французская армия вступила в Москву, — были опубликованы.

Все это положительно сказалось на организации столичного ополчения, которое было образцовым образом сформировано, вооружено, обмундировано и в котором наряду с воинским строем («ордер де баталией») безупречно соблюдались субординация и дисциплина.

Литература

- Акты и документы, относящиеся к истории С.-Петербургского городского управления и города С.-Петербурга в эпоху Отечественной войны. СПб. 1914.
- Апухтин В.Р. Народная военная сила. Дворянские ополчения в Отечественную войну. М. 1912. Журналы Комитета министров. Царствование Императора Александра I, 1802–1826 гг. СПб. 1891. Т. 2.
- Зотов Р.М. Записки // Русская старина. 1896. № 6.
- Князьков С.А. М.И. Голенищев-Кутузов // Отечественная война и русское общество. М. 1911. Т. 4.
- Комаровский Е.Ф. *Записки графа Е. Ф. Комаровского*. СПб. 1914.
- Кутузов — Александру I, 18 июля 1812 // Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам, составлена по Высочайшему повелению. СПб. Т. II. 1859. М.И. Кутузов. Сборник документов. М. 1954 Т. 4.
- Материалы для истории дворянства Санкт-Петербургской губернии. СПб. 1916. Т. 2.
- Оденталь — Булгакову, 19 июля 1812 // Русская старина. 1912. № 7.
- Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб. 1830. Т. 32.
- Разговор двух россиян и истинные чувства российского дворянина при получении Высочайшего манифеста от 6 июля 1812 года в Санкт-Петербурге. М. 1812.
- Речь к Санктпетербургскому ополчению при выходе онаго к армии на брань, произнесенная при Высочайшем присутствии Его Императорского Величества ... СПб. 1812. С. 1-3.
- Ростопчин — Багратиону, 6 авг. 1812 // Русский Архив. 1896. № 4.
- Тысяча восемьсот двенадцатый год в записках графа Ф.В. Ростопчина // Русская старина. 1889. № 12.
- Щукин П.И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. М. 1904.